

А. В. Иванов, А. В. Трофимов
**ПОИСК МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
НА ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918–1919 гг.**

Исторический опыт российской государственности свидетельствует о том, что, наряду с сильными авторитарными традициями, в переломные моменты, когда происходила делегитимация существующих государственных форм и структур, актуализировался поиск моделей социального выживания, основанных не только на механизмах насилия, но и на использовании инструментов социального партнерства. Масштабная социальная трансформация, которой подверглась Россия на рубеже второго и третьего десятилетий XX в., привела к силовой конкуренции альтернативных проектов государственного устройства, по-разному представлявших, в чем состоят государственные интересы России и на какой социально-политической платформе они должны реализовываться.

I Мировая война явилась «тектоническим разломом», поглотившим две европейские империи (Австро-Венгерскую и Германскую), одну азиатскую (Османскую) и одну евразийскую (Российскую). Революция 1917 г., вызревшая в условиях мировой войны, знаменовала крах старой модели государственного устройства России, не отвечавшей требованиям времени и идейно-политическим представлениям контрэлитных и антиэлитных групп, стремившихся прийти к власти. Быстрая деградация имперских и создаваемых Временным правительством государственных институтов подпитывалась отсутствием в социуме консенсуса по поводу вектора социального развития и форм государственности, а также нарастанием социальной нетерпимости и политического сепаратизма. Необходимо заметить, что коридор альтернативных воз-

можностей развития и набор их вариантов лимитировался как идеологическими пристрастиями политических акторов, находившихся под влиянием европейской либеральной и социалистической парадигм, так и традиционализмом масс, крестьянским характером страны, влиянием депривационных факторов, затронувших практически все слои и категории населения России.

Неумолимая логика развертывания геополитического, социально-политического и экономического кризиса привела к тому, что после захвата власти большевиками, взявшими курс на построение государства диктатуры пролетариата в форме республики Советов, в ряде регионов страны сформировались альтернативные государственные образования. К ним мы относим многочисленные самопровозглашенные правительства, возникшие на территориях, неподконтрольных Советам, и претендовавшие на всероссийскую либо региональную власть. При впечатляющем разнообразии организационных форм их объединяла антибольшевистская направленность политического курса, отрицание легитимности Октябрьского переворота, провозглашение приверженности идее парламентской демократии (лозунг передачи власти Всероссийскому Учредительному собранию). Особенно популярным этот лозунг был на востоке страны, где инициативу развертывания антибольшевистской борьбы взяли на себя социалистические партии.

Принято считать, что государственное оформление сил, противостоящих большевикам, началось летом 1918 г., после свержения советской власти на обширной территории от Волги до Тихого океана силами Чехословацкого корпуса и подпольных контрреволюционных организаций. Однако в действительности первые попытки создания альтернативных форм государственности были предприняты вскоре после октябрьских событий в Петрограде. Уже 13 декабря 1917 г. в Томске состоялся Чрезвычайный сибирский областной съезд, избравший Временный совет, на который была возложена задача подготовки к созыву Сибирской областной думы. Создать этот

Иванов Алексей Викторович — к.и.н., доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: ivanovav55@yandex.ru

Трофимов Андрей Владимирович — д.и.н., профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: 2519612@rambler.ru

орган в полном составе в условиях советской экспансии так и не удалось. Тем не менее, учитывая наличие кворума (1/3 от предполагаемого количества участников), Сибирская областная дума приступила к работе, и из числа прибывших в Томск представителей 28 января 1918 г. было сформировано Временное правительство автономной Сибири во главе с П. Я. Дербером. Однако на основании постановления Томского Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 января 1918 г. о роспуске Сибоблдумы большинство его членов было вскоре арестовано органами советской власти. Оставшиеся на свободе были вынуждены выехать за пределы России, в Харбин, где продолжили работу по созданию и координации деятельности подпольных антибольшевистских организаций в восточных регионах страны (таких как Западно-Сибирский комиссариат в Томске, Восточно-Сибирский комиссариат в Иркутске и др.)

27 мая 1918 г. при поддержке восставших чешских легионеров Западно-Сибирский комиссариат вышел из подполья и 12 июня переместился в Омск, ставший с этого времени центром антибольшевистской государственности к востоку от Урала. 30 июня комиссариат передал власть Временному Сибирскому правительству (теперь уже во главе с П. В. Вологодским), под юрисдикцией которого постепенно оказалась практически вся территория Сибири и Дальнего Востока. Одновременно с Временным Сибирским возникло антибольшевистское правительство в Поволжье — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) во главе с В. К. Вольским. К сентябрю 1918 г. его численность достигла 97 человек, что дало Комитету основания претендовать на всероссийскую власть, оспаривая лидерство сибиряков.

Названными учреждениями далеко не исчерпывается перечень властных органов, претендующих на статус правительств. В конце 1917 — первой половине 1918 гг. были сформированы войсковые правительства Оренбургского и Уральского казачьих войск, национальные правительства в Казахстане (Алаш-Орда) и Башкирии, Каракорум-Алтайская окружная управа и Народная дума бурят Восточной Сибири. Летом—осенью 1918 г. к ним присоединились Прикамский комитет членов Учредительного собрания в Ижевске, Временное областное правительство Урала в Екатеринбурге и правительство Амурской

области в Благовещенске. Появление многочисленных «правительств», часто не обеспеченных необходимыми административными, финансовыми и прочими ресурсами, отражало как процесс деградации государственной власти в стране, фактический вакуум реальной власти, так и политические амбиции их создателей и наличие «конкурентной» политической среды. Вполне очевидным было стремление многочисленных «правителей» использовать символизм властных регалий, магию названий, знакомых каждому, в надежде на сохранение в душе законопослушных граждан уважения к представителям власти. Вместе с тем только воля к власти, импульсы, исходящие из локальных центров, возникших тогда в распадающемся пространстве страны, были способны приостановить процесс самоуничтожения российской государственности.

В условиях острого военно-политического противостояния с советской властью разрозненность сил ее противников была для них неприемлемой, поскольку препятствовала координации действий. Осознавая это, лидеры антибольшевистского движения на востоке России принимали необходимые меры для обеспечения единства. В июле 1918 г. этот вопрос обсуждался на совещании представителей Временного Сибирского правительства и Комуча в Челябинске. 23–25 августа того же года вопрос был рассмотрен в рамках Государственного совещания, целью которого было сближение политических позиций сторон и подготовка к созданию верховной власти, признаваемой всеми национальными и региональными властными структурами. Окончательно проблема объединения была решена в ходе Уфимского государственного совещания (8–23 сентября 1918 г.), в работе которого приняли участие 170 делегатов, представлявших все региональные и национальные правительства востока России, а также политические партии и организации. В результате удалось создать Временное всероссийское правительство — Директорию, — на которое возлагалась верховная власть до завершения борьбы с большевиками. Однако политические разногласия вошедших в состав правительства партий, а также военные неудачи дискредитировали новорожденную демократическую власть. Вектор общественного мнения отклонился в сторону военной диктатуры, результатом чего стал переворот, происшедший в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. Верховным

правителем был провозглашен адмирал А. В. Колчак. Под его руководством было сформировано Российское правительство. Антибольшевистская государственность стала обретать более определенные черты.

Практическая деятельность антибольшевистских государственных образований на востоке России стала предметом изучения отечественной исторической науки уже в 1920-е гг. Однако объективного отражения в трудах советских историков она не нашла. Причиной этого стала ситуация выбора между научной объективностью и политической целесообразностью, в которую были поставлены исследователи. Будучи в подавляющем большинстве коммунистами, они выбирали второе. Деятельность антибольшевистских правительств изображалась ими как антинародная, направленная на реставрацию дореволюционных порядков, на лишение рабочих и крестьян всех завоеваний, достигнутых ими в ходе напряженной борьбы. Упор в исследованиях делался на репрессивные методы подавления недовольства народных масс и на прямой террор.¹ Многие историки весь период нахождения Урала и Сибири под властью антибольшевистских сил объединяли понятием «колчаковщина», не выделяя в нем этапы демократической контрреволюции и военной диктатуры. При этом деятельность правительства А. В. Колчака исследовалась гораздо более подробно. Характер режима, пришедшего к власти в результате переворота 18 ноября 1918 г., изображался как ультрареакционный. Основным содержанием его политики считалась реставрация не только дооктябрьских, но и дофевральских порядков.²

Эти принципиальные положения стали своего рода шаблоном, с которым советские историки последующих поколений подходили к проблеме освещения политики и практической деятельности антибольшевистских правительств. Свою задачу они видели в том, чтобы проиллюстрировать фактами антинародную сущность как эсеро-меньшевистских правительств, так и Российского правительства под руководством А. В. Колчака, что должно было

обосновать подъем всенародной борьбы против белогвардейщины и высветить преимущества пролетарской диктатуры перед диктатурой буржуазной. В связи с этим деятельность всех контрреволюционных правительств изображалась весьма тенденциозно и исключительно в черных красках, причем историки советского периода не видели существенных различий между эсеро-меньшевистской демократией и военной диктатурой: и тем и другим приписывалась политика реставрации, с той лишь разницей, что у социалистов она маскировалась революционной фразеологией, а у А. В. Колчака — была открытой.³ Пожалуй, лишь Ю. Бессонов изложил программу Областного правительства Урала достаточно объективно, на основании документальных материалов, не затушевывая ее антибольшевистской направленности, но и не приписывая уральским областникам чужих «грехов».⁴

Историографическая ситуация начала меняться в 1990-е гг., когда отечественная историческая наука отказалась от идеологических стереотипов в пользу более реалистичного подхода к освещению событий периода Гражданской войны. Доминирующей тенденцией стала переоценка политики и практической деятельности антибольшевистских правительств, особенно в области социально-экономических отношений, трудового законодательства. Выдвигается и обосновывается идея надклассовой сущности этих правительств, доказываются стремление контрреволюционных государственных образований играть роль некоего арбитра в противостоянии буржуазии и пролетариата. Эти мотивы отчетливо звучат в трудах современных историков Н. И. Дмитриева, О. Ю. Никоновой, В. М. Рынкова, Е. П. Сичинского, Д. О. Чуракова и др.⁵

³ См.: Медведев А. По долинам и по взгорьям. Свердловск, 1939. С. 14, 15; Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939. С. 5–9, 13–15.

⁴ См.: Бессонов Ю. Рабочие Верх-Исетского завода в гражданской войне. 1918. Свердловск, 1935. С. 128.

⁵ См.: Дмитриев Н. И. Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альм. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 65–98; Никонова О. Ю. Социально-экономическая программа «демократической контрреволюции»: июнь–ноябрь 1918 года // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997. С. 146–159; Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). Новосибирск, 2008; Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала // История СССР. 1992. № 1. С. 164–172; Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: форма, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004.

¹ См.: Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства советов на Урале. 1917–1927. Свердловск, 1928. С. 53–58; Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири в 1918–1920 гг. М., 1925. С. 68; Таяев А. П. Колчаковщина на Урале (1918–1919). Свердловск, 1930. С. 13–39.

² См.: Какурин Н. Е. Восстание чехо-словаков и борьба с Колчаком. М., 1928. С. 42, 43; Ослоновский А., Орлов А. Указ. соч. С. 54, 67; Таяев А. П. Указ. соч. С. 63, 64.

Несколько иначе подходит к этой проблеме К. И. Зубков — автор соответствующего раздела в коллективной монографии уральских историков «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике». По его мнению, антибольшевистские правительства лишь претендовали «на интегральное выражение интересов населения», пытались «упрочить свое влияние в широком межпартийном консенсусе», но в реальности постоянно уступали нажиму правых и военщины. Условия Гражданской войны не способствовали компромиссному разрешению острых социально-политических проблем, достижению «классового мира». В итоге, заключает К. И. Зубков, попытка реализации «третьего пути» русской революции оказалась утопией.⁶

Основываясь на документальных материалах (как уже введенных в научный оборот, так и неопубликованных) и исследованиях наших предшественников и коллег, мы попытаемся выяснить, ставили ли антибольшевистские государственные образования востока России задачу обеспечения классового сотрудничества и в какой степени удалось им ее решить.

На первую часть вопроса мы с полной уверенностью можем ответить утвердительно. Всем здравомыслящим политикам (каковыми, безусловно, были лидеры антисоветского движения) было ясно, что без доверия и поддержки широких масс населения ни один режим не сможет удержаться у власти. С учетом того что Россия представляла собой страну преимущественно крестьянскую, антибольшевистским силам было необходимо привлечь на свою сторону именно этот слой общества. Сделать это было непросто, учитывая радикализм большевистского Декрета о земле, а также тот факт, что политика продовольственной диктатуры коснулась удаленных от Центра районов Сибири и Зауралья в минимальной степени.

Советские историки либо в силу слабой изученности источников, либо в угоду идеологической конъюнктуре своего времени искажали сущность аграрной политики демократической контрреволюции, ссылаясь на якобы изданное Временным Сибирским правительством постановление о возврате имений бывшим собственникам.⁷ Между тем, согласно

решению этого правительства, возврату подлежали лишь конфискованные при советской власти земельные участки хуторян и отрубников. Что же касается помещичьих и казенных земель, то они оставались в руках фактических владельцев вплоть до окончательного решения вопроса Учредительным собранием. Это положение было подтверждено в декларациях Сибирской областной думы и Временного областного правительства Урала.⁸ И все же крестьянский вопрос, как ни странно, не нашел должного места в политике антибольшевистских государственных образований. Так, например, программа Временного областного правительства Урала включала в себя лишь один пункт (из двенадцати содержащихся в документе), формулирующий, к тому же весьма неопределенно, его аграрную политику. Четкого представления о судьбе уже поделенных крестьянами земельных и лесных участков программа не давала. В то же время декреты советской власти были объявлены утратившими силу, а это значит, что в их числе был и Декрет о земле. Это не могло не внести сомнений в души крестьян, надеявшихся на разрешение векового спора в свою пользу.

Отрицательную роль «законодательной двусмысленности», фактического отсутствия государственно-правового регулирования социальных отношений отмечал в своей книге И. М. Майский — непосредственный участник описываемых событий. Выделяя такие черты русского крестьянина, как анархизм и индивидуализм (последнее, впрочем, можно оспорить, принимая во внимание живучесть общинной формы организации русской деревни), он подчеркивал, что крестьянство, избавившись от пресса большевистской продовольственной диктатуры, попыталось самоизолироваться в своем общинном мирке, отгородившись от государственных интересов. Оно поняло обещанную эсерами свободу по-своему — «как систему безначальности и самоуправления», как свободу от уплаты налогов, от воинской и других государственных повинностей. И поэтому, уничтожив Советы и восстановив прежнее сельское управление, крестьянство не обеспечило сколько-нибудь значительного притока добровольцев в вой-

⁶ См.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004. С. 445.

⁷ См., напр.: Ослоновский А., Орлов А. Указ. соч. С. 49.

⁸ ЦДОСО. Ф. 41 (Документы Свердловского (Уральского) истпарта). Оп. 1. Д. 119 (Листовки: обращения, постановления Временного Сибирского правительства). Л. 1; Д. 120 (Письма, телеграммы, копии протоколов заседаний Областного правительства Урала). Л. 92.

ска демократической контрреволюции.⁹ Когда же Комуч объявил мобилизацию, это сразу испортило его отношения с деревней. «Данное мероприятие было воспринято крестьянством как покушение на свободу от всяких государственных повинностей, которая, казалось, им только что была завоевана. Деревня стала отказываться давать своих сыновей».¹⁰ Власти были вынуждены принимать репрессивные меры, а это еще более обострило положение. «И так как репрессии осуществлялись руками старых царских генералов и офицеров, то очень часто они принимали характер диких расправ и издевательств над беззащитным деревенским населением».¹¹ Начались вооруженные инциденты, оппозиционные настроения среди крестьян стали нарастать.

Несмотря на это, антибольшевистские правительства не пошли навстречу интересам крестьянства. Они двинулись по ведущему в тупик пути, откладывая решение животрепещущей проблемы на неопределенный срок. Принятая 8 апреля 1919 г. Российским правительством адмирала А. В. Колчака «Декларация о земле», предусматривала право пользователей собрать урожай 1919 г. с захваченных или полученных при советской власти земель. В то же время она требовала безусловного возврата лишь земель хуторян, отрубников и укрепленцев. Самый же главный вопрос — о судьбе поделенных крестьянами помещичьих земель — откладывался до созыва Национального собрания, который мог иметь место только после победы над большевиками. Столь же неопределенно — «в будущем» — правительство обещало обеспечить угодьями безземельных и малоземельных крестьян.¹² Эти туманные формулировки не могли не породить у крестьян подозрений относительно истинных намерений властей, которые усиливались реальными действиями военной администрации в прифронтовой полосе. Дело в том, что Союз земельных собственников — помещичья партия — имел немало сочувствующих среди старшего и высшего офицерского состава белых армий, и потому на территориях, находившихся под военным управлением, без всякой санкции со стороны правительства имели место отдельные факты возврата помещичь-

их имений прежним владельцам. Это и дало советским историкам повод утверждать, что восстановление дореволюционных аграрных порядков было официальной линией «колчаковского правительства». Однако это не так, что подтверждают выдержки из приведенной выше «Декларации о земле». Правительство А. В. Колчака просто не в состоянии было помешать искажению своей политики военной, ставшей к 1919 г. самостоятельной и весьма влиятельной силой. Обуздать ее во время войны не представлялось возможным.

Таким образом, нерешенность аграрного вопроса, политические репрессии, тяготы экономического характера (обложение податями и повинностями, реквизиции) и военного (мобилизация) провоцировали недовольство крестьян. Донесения уездных властей, направлявшиеся в губернские центры, переполнены фактами насилий, убийств, грабежей, самовольных реквизиций, проводившихся белыми воинскими частями в Сибири и на Урале.¹³ Следует отметить, что весьма активную, а порой организующую роль в антиколчаковском движении, вопреки устоявшемуся мнению, играла не беднота, а зажиточная часть сибирской и уральской деревни. Оригинальную версию объяснения этого феномена еще в 1920-е гг. предложил В. Эльцин. По его мнению, «столкнуть массу крестьянства с колчаковским режимом могли только те причины, которые коренились в противоречиях экономического свойства».¹⁴ Главным из них автор считал несоответствие между состоянием сельскохозяйственного рынка и потребностями крестьянского хозяйства. Это несоответствие могло проявиться только в тех районах, которые были производственно ориентированы на внутренний и внешний рынок (Южная Сибирь, степное Зауралье, Оренбуржье). По мнению В. Эльцина, изоляция этих районов от рынков сбыта, ставшая следствием Гражданской войны, привела к кризису сельского хозяйства — к затовариванию. Крестьяне не могли реализовать свою продукцию и получить взамен необходимые им промышленные товары. При этом максимально пострадало наиболее зажиточное крестьянство, дававшее основную часть товарной продукции. Поэтому недовольство

⁹ См.: Майский И. Демократическая контрреволюция. М.: Пг., 1923. С. 134.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 135.

¹² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 119. Л. 33.

¹³ Там же. Д. 122 (Инструкции, постановления правительства Колчака, переписка). Л. 249–289.

¹⁴ Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2. С. 5.

охватило все крестьянство. Повышение налогов при одновременном снижении товарности и доходности сельского хозяйства стало непосредственной причиной крестьянского недовольства. Попытки же военных властей силой принудить крестьян к выполнению государственных повинностей привели к массовым восстаниям, вылившимся в партизанскую войну в тылу колчаковских войск.¹⁵

Между тем и у Комуча, и у правительства адмирала А. В. Колчака был шанс заручиться полной поддержкой крестьянства и сделать его своим союзником в борьбе против советской власти. Для этого было необходимо не просто отменить продовольственную диктатуру и восстановить свободу торговли, но законодательно закрепить в крестьянскую собственность уже находившиеся в пользовании земли, в том числе захваченные помещичьи и казенные. Однако ни одно из антибольшевистских правительств на это не решилось. Комуч, руководимый эсерами, не смог переступить через основополагающие принципы, предусматривающие общинное землепользование, а колчаковское правительство — преодолеть давление помещичьего лобби. Таким образом, столь необходимый шаг навстречу крестьянству сделан не был.

В наименьшей степени контрреволюционные силы нуждались в поддержке со стороны рабочего класса, поскольку без этого трудно было рассчитывать на бесперебойную работу промышленных предприятий и транспортной системы страны. Поэтому, надеясь на лояльность рабочих и идя навстречу их пожеланиям, левое большинство Сибирской областной думы добилось включения в ее декларацию положения о том, что Советы не распускаются, а сохраняются как «органы выражения общественного мнения широких масс населения, на которые Дума будет опираться в своей законотворческой деятельности, как и другие демократические и трудовые организации страны».¹⁶ Так же поступил еще более левый по составу Комуч, который в июне 1918 г. воссоздал Советы рабочих депутатов с аналогичными функциями. И хотя, конечно, эти Советы были лишены каких бы то ни было властных полномочий, уже само их существование воспринималось рабочими благоприятно, как некий символ того, что не

все завоевания ими утрачены. Однако по той же причине это решение было принято в штыки буржуазией и стало «яблоком раздора» между левыми и правыми элементами в рядах антибольшевистского лагеря. По мнению И. М. Майского, «в этом лежала одна из главных причин ссоры между Комитетом и поддерживавшими его вначале правыми элементами, — ссоры, сыгравшей решающую роль в судьбах всей самарской эпопеи».¹⁷

Отражением этого конфликта стало решение Временного Сибирского правительства, которое своим постановлением от 6 июля 1918 г. распустило все ранее действовавшие на территории Сибири Советы.¹⁸ В полном соответствии с политикой сибиряков действовало и Временное областное правительство Урала: одним из первых его законодательных актов стало решение о ликвидации всех существующих Советов как «ничего общего с демократическими принципами не имеющих и вызвавших к себе самую непримиримую ненависть всего населения».¹⁹ И здесь мы вновь можем говорить о символическом значении Советов как органов, символизирующих диктатуру пролетариата. Именно по этой причине они были неприемлемы для имущих классов, располагавших прочными позициями в упомянутых выше органах государственной власти. Однако это не перечеркивало их стремления к социальному и политическому компромиссу, что выразилось, в частности, в персональном составе коалиционного Временного областного правительства Урала: 4 его члена из 8 были социалистами (2 эсера, 1 народный социалист и 1 меньшевик). О том же свидетельствуют и действия властей, в частности, в прифронтовой полосе: взяв под контроль тот или иной город или завод, уполномоченные правительства совместно с военным командованием сразу же организовывали проведение собраний представителей профсоюзов, чтобы официально заручиться поддержкой рабочих. Деятельность профсоюзов не только не запрещалась, но и поощрялась, правда при условии отказа от выдвижения политических целей и сосредоточения исключительно на задачах экономического и профессионального характера. Так, например, уже 29 июля 1918 г. (через 3 дня после взятия Екатеринбурга час-

¹⁷ Майский И. Указ. соч. С. 93.

¹⁸ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 118 (Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства). Л. 8.

¹⁹ Цит. по: Таняев А. П. Указ. соч. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 6–10, 17–22.

¹⁶ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

тиями полковника С. Н. Войцеховского) в городе состоялось совещание представителей 11 профсоюзов, объявивших о своей аполитичности и независимости от государственной власти. Принятая резолюция гласила, что профсоюзы поддержат власть, если та будет уважать их интересы.²⁰ Тем самым рабочий класс Урала через свои легальные организации давал понять правительству, что ожидает от него соблюдения интересов рабочих в обмен на поддержку, оказанную демократической контрреволюции в период борьбы против советской власти, и в этом случае гарантирует то же в дальнейшем. Еще более определенно высказалось собрание уполномоченных профсоюзов 11 августа 1918 г., в резолюции которого говорилось о том, что рабочий класс поддержит ту власть, которая созовет Учредительное собрание.²¹ Это можно расценивать как попытку прямого давления на правительство, на его политический курс.

Наряду с давлением слева, серьезный нажим на государственную власть оказывали и правые круги в лице крупной урало-сибирской торгово-промышленной буржуазии. Ее интересы, по крайней мере экономические, были прямо противоположны интересам рабочих. Опираясь на солидные финансовые средства и влияние в военных кругах, уральские горнопромышленники и сибирские торговцы-оптовики стремились ликвидировать органы рабочего контроля и восстановить единоличное управление предприятиями. Оказавшись между двумя мощными социально-политическими группами, антибольшевистские правительства были вынуждены взять на вооружение тактику лавирования. Они не спешили упразднить фабрично-заводские комитеты и другие органы рабочего контроля. Так, например, Комуч приказом № 4 от 8 июля 1918 г. категорически запретил кому бы то ни было насильно смещать возникшие ранее органы руководства предприятиями. Лишь спустя месяц ведомство труда самарского правительства издало циркуляр о лишении фабзавкомов распорядительных полномочий и об ограничении их деятельности рамками закона, принятого Временным правительством 23 апреля 1917 г. Но поскольку органы рабочего контроля продолжали вмешиваться в производственные и управлен-

ческие процессы, правительственным указом от 30 августа 1918 г. они были ликвидированы.²² Даже на территории Сибири, правительство которой по своему составу было гораздо более правым, в течение всего лета 1918 г. продолжался активный диалог между рабочими и властью, а органы рабочего контроля легально функционировали до конца 1918 г., а на отдельных предприятиях Урала — до весны 1919 г.²³

Однако к осени переговоры зашли в тупик, поскольку рабочие и власть, по словам В. М. Рыноква, «разговаривали на разных политических языках».²⁴ Низкая правовая и политическая культура подавляющего большинства рабочих Урала и Сибири обусловила отторжение идеи создания примирительных камер с участием представителей трудовых коллективов, администрации предприятий и государственных органов. Рабочие по-прежнему настаивали на сохранении за фабзавкомами права вмешательства в дела администрации. Большинство профсоюзов оказалось в непримиримой оппозиции, лишь некоторые согласились на сотрудничество с властью.

Особенно острая борьба развернулась в связи с введением на предприятиях сдельной формы оплаты труда. Решение этой, в общем-то, рутинной проблемы оказалось сопряженным с большими трудностями. Прежде всего оно привело к снижению денежных доходов рабочих. Документы свидетельствуют: на большинстве уральских заводов переход на сдельную оплату труда привел к сокращению номинальной заработной платы.²⁵ И это притом, что Временное областное правительство Урала, устанавливая сдельные расценки, исходило из «нормальной производительности при условии продолжительности рабочего дня, установившейся после февральского переворота и до октябрьского», т. е. 8-часовой.²⁶ Ставки предполагалось установить такие, чтобы рабочий мог заработать не меньше получаемого при советской власти поденного вознаграждения. Тем не менее, снижение уровня заработной платы — подтвержденный

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же. С. 29.

²² Рынок В. М. Указ. соч. С. 225, 226.

²³ Там же. С. 232.

²⁴ Там же. С. 229.

²⁵ См.: Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах. Свердловск, 1929. С. 50.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 121 (Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала, временного комитета и городской управы г. Екатеринбург). Л. 18.

факт. Главная причина этого состоит в следующем. С приходом к власти большевиков и с установлением распорядительного рабочего контроля на предприятиях сдельная заработная плата была упразднена как «гибельная для пролетариата по своим последствиям» и создающая «в рядах рабочего класса нездоровую конкуренцию и разъединение».²⁷ Вводилась поденная система оплаты с одновременным резким повышением тарифов, что никоим образом не способствовало росту производительности труда. По архивным документам, за период нахождения у власти большевиков ее падение (на уральских заводах) составило 30–40 %, однако зарплата при этом продолжала расти.²⁸ Восстановление экономически обоснованных норм выработки и сдельной оплаты труда оказалось весьма болезненным процессом: отвыкнув работать с полной отдачей, рабочие не могли сразу адаптироваться к новым условиям и воспринимали их как наступление на свои права. Примером, подтверждающим этот вывод, может служить забастовка на Березовском прииске осенью 1918 г. Его владельцами была установлена оплата труда из расчета 16 руб. за 1 золотник добываемого золота, что соответствовало в среднем добыче примерно 16 пудов руды. В результате зарплата рабочих резко упала, так как при советской власти их выработка составляла 10 пудов руды в день, причем независимо от содержания золота, и рабочие часто предъявляли просто пустую породу. До революции же норма выработки составляла 16–18 пудов руды в день, при этом рабочие в зависимости от содержания в ней золота зарабатывали до 20 руб. в день.²⁹

К чести властей, следует отметить, что они, как правило, старались урегулировать конфликты мирными средствами. Так, Временным областным правительством Урала была принята социально ориентированная программа, которая предусматривала на основе законодательно установленного прожиточного минимума минимальную (8 руб.) и максимальную (20 руб.) заработную плату за 8-часовой рабочий день при условии выполнения нормы выработки.³⁰ Было введено даже уголовное преследование предпринимателей за нарушение

законов об охране труда (закон от 24 сентября 1918 г.). Вместе с тем власти не пошли на компромисс по ряду принципиальных, по их мнению, вопросов, таких как единоначалие на производстве, кадровая политика (профсоюзы добивались права утверждения решений по приему и увольнению работников), санация нерентабельных предприятий.

Современные отечественные историки, в отличие от своих предшественников, не склонны возлагать всю вину за несостоявшийся социально-политический компромисс на буржуазию. В. М. Рынков, например, считает, что во многом в этом повинен социальный эгоизм рабочих, которые выставляли предпринимателям и государственной власти требования, неприемлемые в условиях войны.³¹ Игнорирование рабочими элементарных правил производственной дисциплины, организация саботажа на промышленных предприятиях и транспорте подталкивали власти к принятию жестких мер. В итоге «радикализм и агрессивная оппозиционность рабочего движения являлись важными факторами, которые не только стимулировали эволюцию политического режима в сторону авторитаризма, но и углубляли деградацию народного хозяйства».³²

Однако нам представляется несправедливым абсолютизировать роль «агрессивной оппозиционности» рабочих в срыве попыток достижения общественного консенсуса в период Гражданской войны. Не будем забывать о том, что в основе политики антибольшевистских государственных образований на востоке России лежало стремление любой ценой сохранить коалицию умеренно левых и правых сил, чтобы избежать повторения опыта Октября 1917 г. А буржуазия и крупные землевладельцы, требуя восстановления прав частной собственности, были не менее «агрессивно оппозиционны» по отношению к властям, чем пролетариат. Обвинения в «совдеповщине», в потворстве большевизму сыпались на головы социалистов с трибун съездов представителей торговли и промышленности Урала, Сибири и Поволжья, Союза земельных собственников.³³ Под давлением буржуазии правительство часто действовало вопреки раздававшимся предостережениям дальновидных политиков, подобным тому,

²⁷ Рынков В. М. Указ. соч. С. 165.

²⁸ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 120. Л. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции: в документах и материалах: в 3 т. Т. 3. Свердловск, 1927. С. 382.

³¹ См.: Рынков В. М. Указ. соч. С. 296.

³² Там же.

³³ См.: Майский И. Указ. соч. С. 141, 142, 144.

что было высказано товарищами главного управляющего труда Н. Обуховым и С. Хреновым на междуведомственном совещании по рабочему вопросу, проходившем 19 декабря 1918 г. в Екатеринбурге: «Потрясенное правосознание народа никогда еще так не нуждалось в регулировании правовых отношений посредством договоров и соглашений... Тем более государство не должно само нарушать тех соглашений, в которых оно является одной из сторон...»³⁴ Государство, к примеру, в силу ряда объективных и субъективных причин не смогло сдержать своих обещаний по поводу контроля над ценами. Если за период с августа по декабрь 1918 г. цены на основные продукты питания на Урале выросли на 20–25 %, ³⁵ то с декабря 1918 г. по март 1919 г. — на 67–100 %. ³⁶ Учитывая то, что заработная плата рабочих в этот период не росла, можно говорить о падении их реальных доходов на 45–60 %. Это подталкивало их к массовым акциям протеста — от негласного ограничения объемов производства при формальном соблюдении норм трудовой дисциплины до забастовок в масштабах целых отраслей. Государство же в этих условиях далеко не всегда выдерживало линию на достижение компромисса, временами отдавая предпочтение силовым методам, особенно после установления режима военной диктатуры.

Выйдя из плоскости идейно-политических баталий сторонников и противников советской власти, обратим внимание на мысль П. А. Сорокина о том, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения».³⁷ Следовательно, в практическом плане преимущество имела та государственная власть, которая предпринимала конкретные действия по восстановлению минимально приемлемого уровня жизни, а в

условиях дефицита ресурсов легитимировала механизм их принудительного перераспределения (что и было осуществлено советской властью). Это перечеркивало возможность осуществления социальных компромиссов, но обеспечивало выживаемость социума.

В результате потенциал толерантности и готовности к социальному партнерству, который в российском обществе всегда был в дефиците, оказался исчерпанным. Антибольшевистская государственность на востоке России не выдержала проверки на прочность и рухнула под натиском другой — советской — государственности, сделавшей ставку не на социальный компромисс, а на жесткое классовое подавление. Это означало продолжение линии на развитие российской государственности в сторону авторитаризма, сохранение мощных механизмов насилия, оказавшихся в руках новой идеологической элиты, направившей страну в русло мобилизационной системы во имя построения «бесклассового общества» и «отмирания государства». Важно понимать, что в горниле Гражданской войны «выковывалась» элита, способная предложить адекватные и понятные для восприятия критически значимой части населения представления о счастливом будущем. Для растревоженного войнами и революциями традиционного российского социума, сбалансированные, вызревшие в иной культурной среде представления о социальном компромиссе, политических дискуссиях, толерантности и тому подобные суждения, а также политика, проводимая на их основе, — все это означало отказ от надежды на быстрое и радикальное изменение системы социальных отношений, на реализацию требований свободы и справедливости, причем на первое место в ценностных предпочтениях выходила именно справедливость, понимаемая как болезненное, но необходимое опрокидывание социальной пирамиды.

Ключевые слова: *история России, XX век, Гражданская война, Поволжье, Урал, Сибирь, крестьянство, рабочий класс, антибольшевистские правительства*

Аннотация: Предметом исследования является деятельность антибольшевистских правительств, сформировавшихся в период Гражданской войны в восточных регионах России, направленная на консолидацию всех общественных сил, недовольных политикой советской власти. На основе

³⁴ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 120. Л. 13.

³⁵ См.: Танеев А. П. Указ. соч. С. 49.

³⁶ См.: Колчаковщина на Урале... С. 49.

³⁷ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 272.

анализа исторических и историографических источников авторы выясняют: ставилась ли альтернативными советской власти государственными образованиями задача обеспечения классового сотрудничества, и в какой степени удалось ее решить. Приводятся конкретные факты, свидетельствующие о стремлении антибольшевистских правительств наладить диалог со всеми социальными группами и обеспечить себе максимально широкую социальную базу. Указаны причины экономического, политического и социально-психологического характера, обусловившие неудовлетворительные результаты попыток обеспечения общественного согласия в период Гражданской войны. Сделан вывод о хроническом дефиците толерантности в российском социуме, результатом которого является устойчивая тенденция развития российской государственности в русле авторитаризма.

Alexey V. Ivanov

Candidate of Historical Sciences, Ural State Economic University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ivanovav55@yandex.ru

Andrey V. Trofimov

Doctor of Historical Sciences, Ural State Economic University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: 2519612@rambler.ru

SEARCH FOR SOCIAL PARTNERSHIP MODELS IN THE EAST OF RUSSIA IN 1918–1919

The subject for research was the work of the anti-Bolshevik governments formed during the period of the Civil War in the eastern regions of Russia, the goal of which was consolidation of all groups of society dissatisfied with the policy of the Soviet power. Based on the analysis of historical and historiographic sources the authors attempted to establish whether the alternative to the Soviet power governments pursued the goal of ensuring cooperation between different classes of society, and to what extent they succeeded in this work. The authors made reference to specific facts as evidence of the anti-Bolshevik governments' attempts to create and maintain dialogue with all groups of society and secure maximum public support for their actions. The article indicates various economic, political, as well as social and psychological reasons which preconditioned failure of the attempts to secure social consensus during the Civil War period. The authors made a conclusion of a chronic deficit of tolerance in the Russian society, the result of which is a consistent Russian statehood development within the authoritarianism trend.

Key words: *history of Russia, XX century, the Civil War, the Volga region, the Urals, Siberia, the peasantry, the working class, anti-Bolshevik government*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva Ye. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike. XVI–XX vv.* [Asiatic Russia in the geopolitical and civilizational dynamics. XVI–XX centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 600 p. (in Russ.).
- Bessonov Yu. *Rabochie Verkh-Isetskogo zavoda v grazhdanskoy voyne. 1918* [Work Verkh-Isetsky plant in the Civil War. 1918]. Sverdlovsk: Sverdlogiz Publ., 1935, 183 p. (in Russ.).
- Churakov D. O. *Revolyutsiya, gosudarstvo, rabochiy protest: forma, dinamika i priroda massovykh vystupleniy rabochikh v Sovetskoy Rossii. 1917–1918 gody* [Revolution, a state worker protest: form, dynamics, and the nature of the mass demonstrations of workers in Soviet Russia. 1917–1918 years]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 368 p. (in Russ.).
- Dmitriev N. I. *Belaya armiya. Beloe delo: istoriko-nauchnyy populyarnyy almanakh* [White Army. White matter: historical and scientific popular almanac]. Ekaterinburg, 1996, № 1, pp. 65–98. (in Russ.).
- Eltsin V. *Proletarskaya revolyutsiya* (The proletarian revolution), 1926, № 2, pp. 5–48. (in Russ.).
- Kakurin N. Ye. *Vosstanie chekho-slovakov i borba s Kolchakom* [Rise of the Czecho-Slovaks and the fight against Kolchak]. Moscow, 1928, 80 p. (in Russ.).

Kolchakovshchina na Urale (1918–1919 gg.): v dokumentakh i materialakh [Kolchak in the Urals (1918–1919 gg.): documents and materials]. Sverdlovsk: Uralprofsovet Publ., 1929, 232 p. (in Russ.).

Mayskiy I. *Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic counterrevolution]. Moscow; Petrograd: GIZ Publ., 1923, 359 p. (in Russ.).

Medvedev A. *Po dolinam i po vzgoryam* [In the valleys and hills]. Sverdlovsk: Sverdlgiz Publ., 1939, 240 p. (in Russ.).

Nikonova O. Yu. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Urala v XVIII–XX vv.* [Problems of socio-economic and political development of the Urals in the XVIII–XX centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1997, pp. 146–159. (in Russ.).

Oslonovskiy A., Orlov A. *Desyat let borby i stroitelstva sovetov na Urale. 1917–1927* [Ten years of struggle and tips in the Urals. 1917–1927]. Sverdlovsk: Izvestiya Publ., 1928, 147 p. (in Russ.).

Parfenov P. S. *Grazhdanskaya vojna v Sibiri v 1918–1920 gg.* [Civil War in Siberia in 1918–1920.]. Moscow: Gosizdat Publ., 1925, 168 p. (in Russ.).

Rabochiy klass Urala v gody voyny i revolyutsii: v dokumentakh i materialakh [The working class of the Urals during the war and revolution in the documents and materials]. Sverdlovsk: Uralprofsovet Publ., 1927, Vol. 3, 456 p. (in Russ.).

Razгром kolchakovshchiny na Urale [The defeat of Kolchak in the Urals]. Sverdlovsk: Sverdloblizdat Publ., 1939, pp. 3–26. (in Russ.).

Rynkov V. M. *Sotsialnaya politika antibolshevistskikh pravitelstv na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918–1919 gg.)* [The social policy of anti-Bolshevik government in eastern Russia (second half of 1918–1919)]. Novosibirsk, 2008, 440 p. (in Russ.).

Sichinskiy Ye. P. *Istoriya SSSR* (History of the USSR), 1992, № 1, pp. 164–172. (in Russ.).

Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [People. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ., 1992, 543 p. (in Russ.).

Tanyaev A. P. *Kolchakovshchina na Urale (1918–1919)* [Kolchak in the Urals (1918–1919)]. Sverdlovsk; Moscow: Gosizdat Publ., 1930, 72 p. (in Russ.).